

Уголовный процесс

УДК 343.185

doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-131-141

Владимир Юрьевич Стельмах

кандидат юридических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-7558-6531, vstelmah@mail.ru

Уральский юридический институт МВД России

Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

Соотношение доследственной проверки и лишения неприкосновенности от уголовного преследования

Аннотация: *Актуальность темы исследования.* В Конституции Российской Федерации закреплено равенство всех субъектов перед законом и судом. Вместе с тем законом установлены категории граждан, наделённые неприкосновенностью (иммунитетом от уголовного преследования). Иммунитет не является личной привилегией и может быть снят решением компетентного государственного органа. Момент лишения неприкосновенности приходится на стадию возбуждения уголовного дела. Возникает проблема соотношения процедур лишения неприкосновенности и проведения доследственной проверки, поскольку соответствующие действия не просто регламентированы разными законами, но имеют отличающуюся правовую природу.

Постановка проблемы. В ходе уголовного судопроизводства для привлечения к уголовной ответственности лица, обладающего иммунитетом от уголовного преследования, необходимо выполнить процедуру лишения лица неприкосновенности. В науке уголовного процесса различие между доследственной проверкой и лишением неприкосновенности в полном объёме не проведено. Неясно, относятся ли к участникам уголовно-процессуальной деятельности государственные органы, принимающие решение о лишении неприкосновенности, какие вопросы должны быть выяснены в рамках лишения иммунитета, каков объём прав лица, в отношении которого ставится данный вопрос.

Цели и методы исследования. Цель исследования – определение соотношения процедур лишения неприкосновенности от уголовного преследования и доследственной проверки.

Задачи: исследовать правовую природу лишения неприкосновенности от уголовного преследования; провести различия между этой процедурой и доследственной проверкой; проанализировать уголовно-процессуальное положение органов, участвующих в лишении неприкосновенности; обобщить права лица, в отношении которого решается вопрос о лишении неприкосновенности.

Методологической основой исследования послужил диалектико-материалистический метод, а также общенаучные методы научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, формально-логический, системный.

Результаты и ключевые выводы. Лишение неприкосновенности является комплексной междотраслевой процедурой, имеющей одновременно конституционную, уголовно-процессуальную и административно-правовую природу. Вопрос о лишении неприкосновенности разрешается компетентными государственными органами (зачастую – высшими органами государственной власти), которые не являются ординарными участниками уголовного судопроизводства, а разрешают отдельные уголовно-процессуальные вопросы. Лицу, в отношении которого решается вопрос о лишении неприкосновенности, должны быть предоставлены права, аналогичные тем, которые предоставляются для защиты от уголовного преследования: на доведение своей позиции до компетентного органа; на квалифицированную юридическую помощь; на обжалование принятого решения. В ходе лишения неприкосновенности действует принцип презумпции невиновности, имеющий специфическое преломление. Сроки прохождения процедуры лишения неприкосновенности существуют отдельно от сроков доследственной проверки.

В перспективе следует изменить соотношение возбуждения уголовного дела и лишения неприкосновенности. Вначале должно приниматься решение о возбуждении дела, а затем проводится процедура лишения иммунитета от уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, неприкосновенность от уголовного преследования, возбуждение уголовного дела, доследственная проверка, лишение неприкосновенности, презумпция невиновности, защита от уголовного преследования

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Соотношение доследственной проверки и лишения неприкосновенности от уголовного преследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 131–141; doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-131-141.

Vladimir Y. Stelmakh

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

ORCID: 0000-0002-7558-6531, vlstelmah@mail.ru

Ural Law Institute of the MIA of Russia

66, Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

The ratio of pre-investigation verification and deprivation of immunity from criminal prosecution

Abstract: *Relevance of the research topic.* The Constitution of the Russian Federation establishes the equality of all subjects before the law and the court. However, the law establishes categories of citizens with immunity (immunity from criminal prosecution). Immunity was not a personal privilege and could be waived by the decision of a competent public authority. The moment of deprivation of immunity falls at the stage of initiation of criminal proceedings. The problem arises of the ratio of procedures for deprivation of immunity and pre-investigation verification, since the relevant actions are not simply regulated by different laws, but have a different legal nature.

Setting of a problem. In criminal proceedings the procedure for depriving a person of immunity must be followed in order to bring to justice a person who has immunity from criminal prosecution. In the science of criminal procedure no distinction was made between pre-investigation verification and deprivation of integrity in full. It is not clear whether the state authorities that decided on the deprivation of immunity were involved in criminal proceedings, what issues should be clarified within the framework of the deprivation of immunity and the extent of the rights of the person in respect of whom the question was raised.

Research objectives and methods. The purpose of the study is to determine the ratio of procedures for deprivation of immunity from criminal prosecution and pre-investigation verification. The objectives of the study are to investigate the legal nature of the deprivation of immunity from criminal prosecution; distinguish between this procedure and pre-investigation verification; review the criminal procedure situation of the authorities involved in the deprivation of immunity; summarize the rights of the person in

respect of whom the issue of deprivation of liberty is being addressed. The methodological basis of the study was the dialectical-materialistic method, as well as the general scientific methods of scientific knowledge: analysis and synthesis, induction and deduction, formal-logical, systemic.

Results and key conclusions. Deprivation of immunity is a complex intersectoral procedure, which has a constitutional, criminal procedure and administrative-legal nature at the same time. The question of deprivation of immunity is resolved by the competent public authorities (often the highest public authorities), which are not ordinary participants in criminal proceedings, but resolve certain criminal procedural issues. The person in respect of whom the question of deprivation of immunity is decided should be granted rights similar to those granted to protect against criminal prosecution: to bring his position to the competent authority; qualified legal aid; to appeal against the decision. In the course of deprivation of immunity, the principle of presumption of innocence, which has a specific refraction, applies. The terms of the deprivation of immunity procedure exist separately from the terms of the pre-investigation check. In the future the ratio of initiation of criminal proceedings and deprivation of integrity should be changed. A decision must first be taken to initiate a case and then a procedure must be followed to remove immunity from criminal prosecution.

Keywords: criminal proceedings, criminal prosecution, immunity from prosecution, initiation of criminal proceedings, pre-investigation inspection, deprivation of immunity, presumption of innocence, protection against criminal prosecution

For citation: Stelmakh V.Y. The ratio of pre-investigation verification and deprivation of immunity from criminal prosecution // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 3 (91). – P. 131–141; doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-131-141.

Введение

В Российской Федерации на конституционном уровне закреплено равенство всех перед законом и судом. Каждый, совершивший преступление, должен понести за это предусмотренную законом ответственность. Для обеспечения неотвратимости ответственности уголовное судопроизводство строится на публично-правовой основе, обязанность возбуждения уголовного дела и осуществления уголовного преследования возлагается на специальные государственные органы дознания, предварительного следствия и прокуратуры.

Российский уголовный процесс имеет стадию возбуждения уголовного дела, которая традиционно рассматривается, прежде всего, как фильтр, позволяющий отделить преступные события от непроступных. Иными словами, основное назначение стадии возбуждения уголовного дела – установление оснований для принятия данного процессуального решения, то есть достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления. Возбуждение уголовного дела (за исключением дел частного-публичного и частного обвинения, занимающих небольшое место в общем массиве уголовных дел) производится органом предварительного расследования по факту совершения преступления, независимо от позиции потерпевшего. При этом стадия возбуждения уголовного дела включает в себя проверку сообщения о преступлении (доследственную проверку), в ходе которой собираются фактические данные по установлению признаков преступления, и, соответственно, оснований возбуждения дела.

Ряд категорий граждан наделены иммунитетом (неприкосновенностью) от уголовного преследования. Иммунитет предоставлен субъектам, выполняющим определённые виды публично-правовой деятельности. Перечень таких субъектов закреплён в ст. 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), однако следует учитывать, что для некоторых лиц, не упомянутых в данной норме уголовно-процессуального закона, иммунитет может быть предусмотрен иным федеральным законом. Например, в ст. 447 УПК РФ говорится об иммунитете только председателя Счётной палаты Российской Федерации, его заместителей и аудиторов, однако в ч. 3 ст. 39 Федерального закона «О Счётной палате Российской Федерации»² закреплён иммунитет также инспекторов Счётной палаты.

Иммунитет от уголовного преследования обусловлен публично-правовой природой деятельности тех или иных категорий граждан, и выступает не в качестве личной привилегии, а, прежде всего, гарантии независимости и эффективности осуществления соответствующей деятельности. Именно поэтому наличие иммунитета не противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

² О Счётной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1649.

и публичным началам уголовного судопроизводства³. Кроме того, иммунитет не является абсолютным, при наличии оснований для осуществления в отношении данного лица уголовного преследования, оно может быть лишено неприкосновенности по определённой процедуре, после чего становится возможным привлечение данного лица к уголовной ответственности.

Возбуждение уголовного дела допустимо лишь после лишения неприкосновенности. Вместе с тем эти процедуры имеют различную правовую природу, и содержание производимых в ходе данных процедур действий не совпадает.

Проблемы лишения неприкосновенности активно исследовались, в том числе на монографическом и диссертационном уровнях специалистами в области как конституционного, так и уголовно-процессуального права. Разумеется, с учётом отраслевой принадлежности учёные изучали различные аспекты данного правового феномена.

Конституционалисты в основном анализировали понятие иммунитета от уголовного преследования и ту роль, которую он выполняет в системе гарантий публично-правовой деятельности той или иной категории лиц. Соответственно, проблематика лишения неприкосновенности в этих работах рассматривается в контексте названных базовых вопросов [1, с. 60–72; 2, с. 5–7; 3; 4, с. 393–403; 5, с. 25–30; 6, с. 33–35; 7; 8; 9, с. 32–38; 10, с. 6–10]. Процессуалисты посвящали свои работы исследованию процедурных аспектов лишения неприкосновенности [11, с. 108–114; 12, с. 47–50; 13, с. 38–41; 14, с. 10–16; 15, с. 59–65; 16, с. 82–86, 17, с. 23–27; 18; 19, с. 61–65; 20, с. 82–89; 21, с. 66–68; 22, с. 128–138].

Вместе с тем приходится констатировать, что проблематика лишения неприкосновенности и доследственной проверки исследовалась, как правило, изолированно друг от друга. В результате учёными не выработано единой позиции по поводу процессуального статуса органов, рассматривающих вопрос о «снятии» иммунитета, также не определены процессуальные права лица, в отношении которого принимается соответствующее решение.

Целью исследования является определение соотношения процедур лишения неприкосновенности от уголовного преследования и доследственной проверки.

Задачи исследования:

– исследовать правовую природу лишения неприкосновенности от уголовного преследования;

– провести различия между этой процедурой и доследственной проверкой;

– проанализировать уголовно-процессуальное положение органов, участвующих в лишении неприкосновенности;

– обобщить права лица, в отношении которого решается вопрос о лишении неприкосновенности.

Описание исследования

Процедуры лишения неприкосновенности и доследственной проверки тесно связаны. Доследственная проверка в целом имеет уголовно-процессуальную природу, хотя в её ходе допускается проведение некоторых действий, регламентированных нормами других отраслей права (в частности, оперативно-розыскных мероприятий, административно-правовых действий, прокурорских проверок, режимных мероприятий в местах лишения свободы). Вместе с тем цели доследственной проверки подчиняются как назначению уголовного судопроизводства в целом, так и целям стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, сроки доследственной проверки и итоговые решения, принимаемые по её результатам, установлены УПК РФ.

Иммунитет от уголовного преследования различных категорий граждан имеет отличающиеся характеристики.

Во-первых, различаются границы неприкосновенности. Так, для большинства отмеченных в ст. 447 УПК РФ лиц требуется лишь согласие компетентного органа на возбуждение уголовного дела (либо, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления, когда не были известны сведения о статусе причастности к нему лица – на привлечение лица в качестве обвиняемого). После этого уголовное преследование лица может осуществляться в полном объёме.

Во-вторых, различен порядок преодоления иммунитета. В отношении одних лиц требуется всего лишь принятие решения о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации либо по субъекту Российской Федерации, либо федерального уровня (кстати, Конституционный Суд Российской Федерации даже не называет такой порядок уголовно-процессуальным иммунитетом). В отношении других лиц законом предусмотрена особая процедура получения согласия на осуществление уголовного преследования (лишение неприкосновенности). Представляется, что в перспективе следует оставить лишь ту процедуру лишения неприкосновенности, которая подразумевает участие и дачу согласия компетентными органами государственной власти. Возбуждение уголовного дела каким-то особым субъектом (вышестоящим руководителем следственного органа) обосновано только в том случае, когда ему предшествует получение согласия или заключения от государственного органа. В противном случае неясно, в чём заключаются функции вышестоящего руководителя следственного органа: должен ли

³ По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г. № 5-П. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30414.pdf> (дата обращения: 07.06.2021).

он самостоятельно проводить какую-либо особую следственную проверку, отличающуюся от проведённой субъектом, ставящим вопрос о возбуждении дела, либо руководитель вышестоящего следственного органа должен проверить законность действий органа расследования, инициирующего возбуждение дела. В любом случае все указанные процедуры, проводимые руководителем вышестоящего следственного органа, представляются излишними и неоправданными.

Лишение неприкосновенности, по общему правилу, производится до возбуждения уголовного дела. Как было отмечено, лишь в исключительных случаях, когда на момент принятия этого решения не было известно лицо, причастное к его совершению, процедура лишения неприкосновенности переносится на момент привлечения в качестве обвиняемого.

Возникает вопрос, является ли лишение уголовно-процессуального иммунитета частью следственной проверки, и как в принципе соотносятся эти виды деятельности с точки зрения их правовой природы. На первый взгляд, данная проблема имеет сугубо теоретический характер. Однако это не совсем так. От того, как будет определено соотношение лишения уголовно-процессуального иммунитета и следственной проверки, зависит решение большого числа важных прикладных вопросов: наделены ли субъекты, уполномоченные законом на лишение неприкосновенности, статусом участников уголовного судопроизводства; входит ли срок лишения неприкосновенности в срок следственной проверки; допускается ли в рамках лишения неприкосновенности производство предусмотренных УПК РФ проверочных действий (например, получение объяснений); обладает ли лицо, в отношении которого осуществляется процедура лишения неприкосновенности, в рамках этой процедуры правами, предоставляемыми уголовно-процессуальным законом.

Порядок лишения неприкосновенности в настоящее время достаточно детально регламентирован УПК РФ, который посвящает этим вопросам отдельную главу 52. Однако следует учитывать, что в этой главе УПК РФ установлена не только процедура лишения иммунитета, но и порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности после принятия этого решения. Многие важные моменты, касающиеся лишения неприкосновенности, закреплены не в УПК РФ, а в иных федеральных законах (например, в федеральных конституционных и федеральных законах, посвящённых вопросам судостроительства, статусу сенаторов и депутатов Федерального Собрания). Данные законы в целом относятся к предмету конституционно-правового регулирования, и это обстоятельство в совокупности с основаниями наделения лиц иммунитетами от уголовного преследования даёт основания для вывода о том, что правовая природа лишения неприкосновенности носит комплексный и межотраслевой харак-

тер. Безусловно, в ней усматриваются элементы принадлежности к уголовно-процессуальной сфере регламентации (хотя бы в силу наличия соответствующих норм в УПК РФ, а также цели лишения неприкосновенности – возможность осуществления с лицом уголовно-процессуальной деятельности). Вместе с тем очевидно и то, что наличие неприкосновенности, а также усложнённый порядок её лишения рассматривается, прежде всего, как одна из гарантий эффективного выполнения лицами своих обязанностей в конституционно-правовой сфере, поэтому лишение неприкосновенности от уголовного преследования имеет конституционно-правовые и отчасти – административно-правовые элементы.

Таким образом, следственная проверка (в современном нормативном понимании этого термина) и лишение неприкосновенности – различные, хотя и частично пересекающиеся правовые феномены.

Во-первых, лишение неприкосновенности может осуществляться для привлечения лица не к уголовной, а к иной (например, административной) ответственности, соответственно, результаты такого лишения неприкосновенности для уголовного судопроизводства не имеют значения.

Во-вторых, значительная часть деятельности по лишению неприкосновенности лежит за пределами уголовно-процессуальной регламентации (например, сроки лишения неприкосновенности и следственной проверки не соотносятся между собой).

В-третьих, в лишении неприкосновенности задействованы субъекты, которые нельзя отнести к «обычным», «ординарным» участникам уголовного судопроизводства (палаты Федерального Собрания, Конституционный Суд, специальная коллегия Верховного Суда, квалификационные коллегии судей). Данные субъекты принимают решение в рамках конституционного, а не уголовно-процессуального законодательства, при этом результаты их деятельности имплементируются в уголовное судопроизводство.

В-четвертых, в ходе лишения неприкосновенности не осуществляется доказывание в уголовно-процессуальной интерпретации этого термина. Разумеется, для принятия решения о лишении неприкосновенности необходимо установление обстоятельств преступного деяния и причастности соответствующего лица к его совершению, что и производится в рамках лишения неприкосновенности. Однако получение этих сведений осуществляется за рамками уголовно-процессуальных процедур, а сами сведения не могут заменить получение в будущем (во время предварительного расследования и судебного рассмотрения дела) доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Следует отметить, что инициирование вопроса о лишении неприкосновенности производится субъектами, названными в УПК РФ – Президентом Российской Федерации, Гене-

ральным прокурором Российской Федерации или Председателем Следственного комитета Российской Федерации. Вместе с тем, очевидно, что Генеральный прокурор и Председатель Следственного комитета выступают не совсем в том статусе, который принадлежит им по УПК РФ (прокурора и руководителя следственного органа). В рамках процедуры лишения неприкосновенности Генеральный прокурор и Председатель Следственного комитета рассматриваются как уникальные представители возглавляемых ими правоохранительных органов, имеющие исключительное право инициирования упомянутой процедуры. Они в данном случае – не просто «самый вышестоящий прокурор» или «самый вышестоящий руководитель следственного органа», а высшие руководители правоприменительных органов, которые наделены беспрецедентным для уголовного судопроизводства полномочием комплексного конституционно-уголовно-процессуального характера. Отнюдь не случайно, что по рассматриваемым вопросам Генеральный прокурор и Председатель Следственного комитета обращаются не к ординарным органам уголовного судопроизводства, а к субъектам верховной государственной власти – Президенту Российской Федерации, палатам Федерального Собрания, Конституционному Суду. Ни один ординарный участник уголовного судопроизводства, в том числе прокурор и руководитель следственного органа, независимо от уровня и ведомственной принадлежности в рамках «обычных» уголовно-процессуальных правоотношений такими полномочиями не наделён.

Рассмотрение вопроса о лишении уголовно-процессуального иммунитета осуществляется субъектами, также не относящимися к ординарным органам уголовного судопроизводства – палатами Федерального Собрания, Конституционным Судом, специальными коллегиями Верховного Суда, квалификационными коллегиями судей. В некоторых случаях требуется получение согласия от Президента Российской Федерации. Безусловно, что Президент Российской Федерации, палаты Федерального Собрания, а также упомянутые судебные органы и органы судейского сообщества, хотя фактически и реализуют уголовно-процессуальные полномочия, не являются участниками уголовного судопроизводства в стандартном понимании этого термина. Их участие в отдельных вопросах уголовно-процессуальной деятельности свидетельствует как о повышенной важности соответствующих действий, так и о том, что данные действия в силу своей природы относятся к сфере не только уголовно-процессуальной, но и конституционно-правовой регламентации. В противном случае вся названная проблематика могла быть решена исключительно «внутри» уголовно-процессуального регулирования.

Таким образом, органы, в компетенции которых находится решение вопроса о лишении неприкосновенности, также нельзя причислить к обычным участникам уголовного судопроиз-

водства. В данной ситуации имеет место особый правовой феномен, когда на орган государственной власти возлагается решение задач, в целом носящих конституционно-правовой характер, но значимых также и для уголовного судопроизводства. Иными словами, решая конституционно-правовую задачу, соответствующий орган власти одновременно решает и задачу уголовно-процессуальную. Следовательно, орган государственной власти в разовом порядке наделяется некоторыми уголовно-процессуальными полномочиями, а его решение применяется в уголовном судопроизводстве непосредственно и не требует какой-либо «адаптации», то есть заверения или подтверждения органами уголовного судопроизводства. Однако при этом орган государственной власти не вправе осуществлять уголовно-процессуальную деятельность в полном объёме, подменять органы уголовного судопроизводства и принимать решения, относящиеся к их исключительной компетенции.

Необходимо учитывать то, что российское законодательство чётко разграничивает конституционные и уголовно-процессуальные процедуры, не предусматривает их слияния. Вопросы конституционно-правового характера (в частности, лишение лица статуса депутата, судьи и т. п.) решаются в рамках процедур, относящихся к сфере конституционного права. Эти процедуры преследуют две взаимосвязанные цели. Во-первых, лицо лишается полномочий конституционного характера, «изымается» из той деятельности, которую оно осуществляет и в которой ему непозволительно оставаться в силу совершения преступного деяния. Тем самым обеспечивается эффективность функционирования государственного механизма и устраняются риски дискредитации в глазах общества. Благодаря конституционно-правовым процедурам деятельности лица даётся, прежде всего, политическая, а также правовая оценка, но исключительно с позиций предмета регулирования конституционного права. Даже те авторы, которые предлагают наделить парламентские процедуры следственными чертами (например, нормативно предусмотреть включение в состав комиссии Государственной Думы по подготовке вопроса об отрешении от должности Президента Российской Федерации представителей Генеральной прокуратуры и предоставить комиссии право на проведение следственных действий [23, с. 22–23]), не настаивают на полном отождествлении конституционной и уголовно-процессуальной деятельности. Во-вторых, прохождение конституционно-правовых процедур предоставляет возможность осуществления уголовно-процессуальной деятельности, привлечения лица к уголовной ответственности. Важно отметить, что в рамках конституционно-правовых процедур вопрос об установлении виновности лица в уголовно-правовом смысле не решается и не предпринимается, а конституционно-правовые процедуры не заменяют предварительного расследования и судебного рассмотрения дела, не

могут использоваться вместо привлечения лица к уголовной ответственности.

Лишение неприкосновенности – это своего рода «предпроцессуальная» деятельность, разрешающая начало осуществления непосредственно процессуальной деятельности. Вместе с тем не совсем верно утверждать, что лишение неприкосновенности всегда предшествует проведению следственной проверки. Во-первых, если уголовное дело возбуждается по факту совершения преступления, при обнаружении его признаков невозможно на момент возбуждения дела знать о лицах, его совершивших. Соответственно, в подобных случаях следственная проверка производится до установления наличия у субъекта преступления иммунитета от уголовного преследования, а лишение иммунитета осуществляется уже в ходе предварительного расследования. Во-вторых, возможна ситуация совершения преступления несколькими лицами в соучастии, когда один из соучастников обладает иммунитетом, и сведения об участии данного лица в преступном деянии имеются на момент поступления сообщения о преступлении. Несмотря на то, что для привлечения этого лица к уголовной ответственности требуется предварительное лишение иммунитета, следственная проверка по факту совершения преступления (то есть в отношении всех других соучастников) должна осуществляться независимо от процедуры лишения иммунитета.

Исходя из отмеченных обстоятельств, полное нормативное слияние следственной проверки и лишения неприкосновенности (то есть регламентация лишения неприкосновенности в УПК РФ) не представляется возможным, в силу разницы правовой природы указанных видов деятельности. Вместе с тем требуется совместить следственную проверку и лишение неприкосновенности так, чтобы они не противоречили, а дополняли друг друга.

Очевидно, что независимо от закрепления непосредственно в законе (как процессуальном, так и ином, который регламентирует деятельность по лишению иммунитета), лицу, в отношении которого решается вопрос о лишении иммунитета, вне зависимости от того, какой орган и в какой процедурной форме разрешает указанный вопрос, должны быть предоставлены базовые конституционные права:

а) на доведение своей позиции до соответствующего органа (не путём отобрания объяснений, а путём открытого выступления на заседании данного органа);

б) на получение квалифицированной юридической помощи (в данном случае это право реализуется путём предоставления адвоката, который, хотя и не приобретает уголовно-процессуальный статус защитника, имеет в целом сходные полномочия);

в) на обжалование принятого решения (здесь сложность заключается в том, что обжалование может производиться по законодательству об административном судопроизводстве, как, например, это имеет место по решениям

квалификационных коллегий судей).

Кроме того, должна применяться презумпция невиновности. В рассматриваемой ситуации содержание этого конституционного принципа состоит в том, что при возникновении неустранимых сомнений в наличии оснований для лишения лица неприкосновенности должно приниматься решение об отказе в удовлетворении соответствующего ходатайства (представления). Очевидно, что поскольку лишение неприкосновенности имеет комплексный межотраслевой характер, допускается определённое взаимопроникновение процедур соответствующих отраслей права.

Сроки процедуры лишения неприкосновенности не могут включаться в сроки следственной проверки, в силу разной отраслевой принадлежности соответствующих видов деятельности. Очевидно, что законодателю следует решить вопрос о сочетании данных сроков, поскольку в настоящее время их различие весьма затрудняет практическую деятельность. Например, сроки рассмотрения представления о лишении неприкосновенности в отношении сенатора Российской Федерации установлены следующим образом: «на ближайшем пленарном заседании Совета Федерации» (ч. 4 ст. 8 Регламента Совета Федерации⁴). Это совершенно естественно для организации деятельности палаты Федерального Собрания, но вряд ли в полной мере приемлемо для уголовного судопроизводства с его жёсткими сроками. Применительно к депутатам Государственной Думы, с учётом сессионного характера деятельности данной палаты Федерального Собрания, этот вопрос решается ещё более затруднительно для нужд уголовного судопроизводства: «на ближайшем пленарном заседании по истечении 7 дней со дня внесения представления, а если представление внесено в период между сессиями – в течение 7 дней со дня начала очередной сессии» (ч. 2, 3 ст. 1852 Регламента Государственной Думы⁵). Такие сроки неизбежно вступают в противоречие со сроками следственной проверки, их соблюдение в рамках следственной проверки практически невозможно.

Очевидно, что нормы конституционно-правовых актов не должны подстраиваться под отраслевое (в рассматриваемом случае – уголовное

⁴ Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Утверждён постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.06.2021).

⁵ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Утверждён постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-П-ГД. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.06.2021).

но-процессуальное) законодательство, в силу приоритета юридической силы отрасли конституционного права перед другими отраслями. Кроме того, в упомянутых случаях это объективно невозможно с учётом характера деятельности палат Федерального Собрания, в частности, сессионной работы Государственной Думы. Как известно, максимальный срок доследственной проверки – 30 суток. При этом продление срока доследственной проверки от 10 до 30 суток возможно только при наличии оснований, закреплённых в ст. 144 УПК РФ, лишение иммунитета к таким основаниям не отнесено. Кроме того, за 30 суток процедура лишения иммунитета может и не быть закончена. Выход представляется в том, чтобы установить возможность приостановления срока доследственной проверки до принятия решения государственным органом о лишении неприкосновенности. Соответствующую норму целесообразно сформулировать в ст. 144 УПК РФ. При этом необходимо понимать, что подобное решение может быть принято, если доследственная проверка производится в отношении одного конкретного лица. Проведение проверки по факту совершения преступления подразумевает принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела, а процедура лишения иммунитета в подобном случае должна проводиться в ходе предварительного расследования, перед предъявлением обвинения или применением меры пресечения.

В перспективе представляется необходимым скорректировать уголовно-процессуальный закон в части порядка возбуждения уголовного дела в отношении лиц, наделённых неприкосновенностью от уголовного преследования. Этот вопрос требуется согласовать с правовой природой стадии возбуждения уголовного дела. Она традиционно рассматривается как фильтр, отделяющий преступные события от непроступных. Вместе с тем представляется, что стадия возбуждения уголовного дела имеет также несколько других значений. В частности, принятие решения о возбуждении дела представляет возможность перейти к полномасштабному установлению обстоятельств преступления, использованию всех мер процессуального принуждения и следственных действий, что до возбуждения уголовного дела или запрещено совсем, или существенно ограничено⁶. При этом всеобъемлющий и полноценный «запуск» всех уголовно-процессуальных средств будет законным и обоснованным только в том случае, когда установлены признаки преступления. Поэтому стадия возбуждения уголовного дела нужна для собирания и фиксации сведений, позволяющих сделать вывод о наличии хотя бы объективной стороны состава преступления. Установление причастного к преступлению лица (а тем более

всех лиц, когда преступление совершено в соучастии) в задачу стадии возбуждения дела не входит. Возбуждение дела означает лишь принятие процессуального решения, после которого становится возможным производство всего комплекса следственных действий и избрания мер процессуального принуждения, а также предъявление обвинения и вынесение уведомления о подозрении, фиксирующих статус лица как обвиняемого или подозреваемого. Представляется, что лишение неприкосновенности требуется именно для этого, а не просто для возбуждения дела. Требование, согласно которому само возбуждение дела, а не конкретные принудительные или познавательные действия, согласия государственного органа, выглядит явно избыточным, даже с позиций необходимости защиты лиц, осуществляющих отдельные виды публично-правовой деятельности. Н. Ю. Решетова правильно отмечает, что «сбалансированность между процессуальными гарантиями, предоставляемыми отдельным категориям лиц, и возможностью привлечения их к уголовной ответственности в случае совершения общественно опасного деяния определяется использованием таких способов правового регулирования, которые не позволяют лицу, обладающему особым правовым статусом, в конкретной правоприменительной ситуации несоразмерно расширять процессуальный иммунитет и, злоупотребляя правом неприкосновенности, ограждать себя от ответственности в случае совершения преступления» [24, с. 58].

Поэтому в перспективе представляется целесообразным закрепить в законе следующий алгоритм: 1) возбуждение уголовного дела без согласия какого-либо органа; 2) последующее лишение лица неприкосновенности, подразумевающее согласие государственного органа на избрание принудительных мер, привлечение лица в качестве обвиняемого и направление уголовного дела в суд по результатам расследования; 3) производство в отношении лица следственных действий, избрание мер уголовно-процессуального принуждения, привлечение в качестве обвиняемого. Лишение лица неприкосновенности, проведение следственных действий, привлечение в качестве обвиняемого и направление дела в суд осуществляется без дополнительного согласования с компетентным государственным органом.

Таким образом, процедура лишения неприкосновенности имеет комплексный межотраслевой характер, она не совпадает с доследственной проверкой и не является ее составной частью. При этом ряд действий, составляющих содержание лишения иммунитета и доследственной проверки, осуществляются параллельно друг с другом, а некоторые действия как бы «сливаются». При этом правовая природа лишения неприкосновенности и доследственной проверки остаётся различной, поэтому регулирование лишения иммунитета только нормами УПК РФ.

Государственные органы, разрешающие вопрос о лишении неприкосновенности, реа-

⁶ Стельмах В.Ю. Дознание в органах внутренних дел : курс лекций. – Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 121-122.

лизуют в ходе осуществления конституционно-правовой деятельности отдельные уголовно-процессуальные полномочия, но не становятся от этого ординарными органами уголовного судопроизводства.

Лицу, в отношении которого решается вопрос о лишении неприкосновенности, должны быть предоставлены права, аналогичные тем, которые предоставляются для защиты от уголовного преследования. При этом объём этих

прав зависит от вопросов, разрешаемых в ходе лишения неприкосновенности.

Сроки прохождения процедуры лишения иммунитета существуют отдельно от сроков доследственной проверки, при этом в уголовно-процессуальном законе следует установить правила «сопряжения» данных сроков. В перспективе необходимо предусмотреть возможность возбуждения уголовного дела до лишения лица неприкосновенности.

Список литературы

1. Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана Президента Российской Федерации // *Lex russica*. – 2015. – № 9. – С. 60–72.
2. Вершинин В. Б. Материально-правовые гарантии права на судебную защиту // *Российская юстиция*. – 2016. – № 9. – С. 5–7.
3. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Норма, 2009. – 259 с.
4. Галковская Н. Г., Голуб Е. И. Ответственность и гарантии арбитров в связи с осуществлением ими деятельности по разрешению споров // *Третейский суд*. – 2020. – № 1/2. – С. 393–403.
5. Гунич С. В. Ответственность Президента Российской Федерации как основа функционирования системы органов государственной власти // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2018. – № 3. – С. 25–30.
6. Казанков С. П. Конституционно-правовые гарантии при привлечении к уголовной и административной ответственности депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2010. – № 6. – С. 33–35.
7. Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты / под ред. М. М. Славина. – Москва: Норма, 2008. – 448 с.
8. Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации : монография. – Москва: Юрист, 2004. – 405 с.
9. Митягин Ю. В. Неприкосновенность депутатов, выборных должностных лиц органов местного самоуправления // *Российский юридический журнал*. – 2010. – № 2. – С. 32–38.
10. Савченко Н. А. Президентский иммунитет: правовое обеспечение неприкосновенности Президента РФ // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2014. – № 9. – С. 6–10.
11. Адигамова Ю. И. Условия возбуждения уголовных дел в отношении отдельных участников избирательного процесса // *Актуальные проблемы российского права*. – 2015. – № 2. – С. 108–114.
12. Добровлянина О. В. Возбуждение уголовного дела в отношении арбитражного заседателя // *Российский судья*. – 2016. – № 11. – С. 47–50.
13. Желтобрюхов С. П. Возбуждение уголовного дела в отношении специальных субъектов уголовного судопроизводства // *Российская юстиция*. – 2011. – № 12. – С. 38–41.
14. Иванов А. В. Некоторые проблемы производства по уголовным делам в отношении адвокатов // *Адвокат*. – 2014. – № 9. – С. 10–16.
15. Латыпов Т. Р. О применении положений главы 52 УПК РФ при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // *Журнал российского права*. – 2010. – № 8. – С. 59–65.
16. Романенко Н. В. Особенности уголовного преследования судьи // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2017. – № 3. – С. 82–86.
17. Романенко Н. В. Применение к судьям меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемные вопросы законодательного регулирования // *Российский судья*. – 2018. – № 7. – С. 23–27.
18. Салимзянова Р. Р. Особенности производства по уголовным делам в отношении судьи : монография. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2007. – 110 с.
19. Синицын В. А. Отдельные аспекты законодательной регламентации особенностей производства по уголовным делам в отношении Генерального прокурора Российской Федерации и Председателя Следственного комитета Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2015. – № 5. – С. 61–65.

20. Трофимова Г. А. О пределах депутатской свободы // Российский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 82–89.
21. Федотов И. С. Актуальные аспекты обеспечения процессуального иммунитета специальных субъектов при расследовании преступлений // Российская юстиция. – 2017. – № 3. – С. 66–68.
22. Шаталов А. С. Специальные субъекты в уголовном судопроизводстве России: порядок уголовного преследования // Журнал российского права. – 2016. – № 1. – С. 128–138.
23. Якубов А. Е. Ещё раз об отрешении Президента РФ от должности и уголовном праве // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 7. – С. 20–24.
24. Решетова Н. Ю. Особые условия привлечения к уголовной ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – № 3 (17). – С. 56–64.

References

1. Aguzarov T. K., Gracheva Yu. V., Chuchayev A. I. Uголовno-pravovaya okhrana Prezidenta Rossiyskoy Federatsii // Lex russica. – 2015. – № 9. – С. 60–72.
2. Vershinin V. B. Material'no-pravovyye garantii prava na sudebnuyu zashchitu // Rossiyskaya yustitsiya. – 2016. – № 9. – С. 5–7.
3. Vitruk N. V. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti: monografiya. – 2-ye izd., ispr. i dop. – Moskva: Norma, 2009. – 259 s.
4. Galkovskaya N. G., Golub Ye. I. Otvetstvennost' i garantii arbitrov v svyazi s osushchestvleniyem imi deyatel'nosti po razresheniyu sporov // Treteyskiy sud. – 2020. – № 1/2. – С. 393–403.
5. Gunich S. V. Otvetstvennost' Prezidenta Rossiyskoy Federatsii kak osnova funktsionirovaniya sistemy organov gosudarstvennoy vlasti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. – 2018. – № 3. – С. 25–30.
6. Kazankov S. P. Konstitutsionno-pravovyye garantii pri privlechenii k uголовnoy i administrativnoy otvetstvennosti deputatov Gosudarstvennoy Dumy i chlenov Soveta Federatsii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. – 2010. – № 6. – С. 33–35.
7. Kleandrov M. I. Status sud'i: pravovoy i smezhnyye komponenty / pod red. M. M. Slavina. – Moskva: Norma, 2008. – 448 s.
8. Kutafin O. Ye. Neprikosnovennost' v konstitutsionnom prave Rossiyskoy Federatsii: monografiya. – Moskva: Yurist, 2004. – 405 s.
9. Mityagin Yu. V. Neprikosnovennost' deputatov, vybornykh dolzhnostnykh lits organov mestnogo samoupravleniya // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2010. – № 2. – С. 32–38.
10. Savchenko N. A. Prezidentskiy immunitet: pravovoye obespecheniye neprikosnovennosti Prezidenta RF // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. – 2014. – № 9. – С. 6–10.
11. Adigamova Yu. I. Usloviya vzbuzhdeniya uголовnykh del v otnoshenii otdel'nykh uchastnikov izbiratel'nogo protsessa // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2015. – № 2. – С. 108–114.
12. Dobrovlyanina O. V. Vzbuzhdeniye uголовnogo dela v otnoshenii arbitrazhnogo zasedatelya // Rossiyskiy sud'ya. – 2016. – № 11. – С. 47–50.
13. Zheltobryukhov S. P. Vzbuzhdeniye uголовnogo dela v otnoshenii spetsial'nykh sub'yektov uголовnogo sudoproizvodstva // Rossiyskaya yustitsiya. – 2011. – № 12. – С. 38–41.
14. Ivanov A. V. Nekotoryye problemy proizvodstva po uголовnym delam v otnoshenii advokatov // Advokat. – 2014. – № 9. – С. 10–16.
15. Latypov T. R. O primeneniі polozheniy glavy 52 UPK RF pri vzbuzhdenii uголовnykh del v otnoshenii otdel'nykh kategoriy lits // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2010. – № 8. – С. 59–65.
16. Romanenko N. V. Osobennosti uголовnogo presledovaniya sud'i // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2017. – № 3. – С. 82–86.
17. Romanenko N. V. Primeneniye k sud'yam mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu: problemnyye voprosy zakonodatel'nogo regulirovaniya // Rossiyskiy sud'ya. – 2018. – № 7. – С. 23–27.
18. Salimzyanova R. R. Osobennosti proizvodstva po uголовnym delam v otnoshenii sud'i: monografiya. – Kazan': Kazanskiy yuridicheskiy instituta MVD Rossii, 2007. – 110 s.
19. Sinitsyn V. A. Otdel'nyye aspekty zakonodatel'noy reglamentatsii osobennostey proizvodstva po uголовnym delam v otnoshenii General'nogo prokurora Rossiyskoy Federatsii i Predsedatelya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2015. – № 5. – С. 61–65.

20. *Trofimova G. A.* О predelakh deputatskoy svobody // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2016. – № 2. – S. 82–89.
21. *Fedotov I. S.* Aktual'nyye aspekty obespecheniya protsessual'nogo immuniteta spetsial'nykh sub'yektov pri rassledovanii prestupleniy // Rossiyskaya yustitsiya. – 2017. – № 3. – S. 66–68.
22. *Shatalov A. S.* Spetsial'nyye sub'yekty v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: poryadok ugovnogo presledovaniya // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2016. – № 1. – S. 128–138.
23. *Yakubov A. Ye.* Yeshcho raz ob otreshenii Prezidenta RF ot dolzhnosti i ugovnom prave // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2009. – № 7. – S. 20–24.
24. *Reshetova N. Yu.* Osobyie usloviya privlecheniya k ugovnoy otvetstvennosti // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2010. – № 3 (17). – S. 56–64.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021; одобрена после рецензирования 08.08.2021; принята к публикации 02.09.2021.